

Русский мир: проблемы, противоречия, дискуссии

Чеслав КИРВЕЛЬ,
доктор философских наук,
профессор

Инна БУСЬКО,
кандидат философских наук,
доцент

В истории есть эпохи и есть десятилетия. Есть краткосрочные тренды и есть длительные периоды формирования и развития «больших пространств» – цивилизаций, обладающих собственной картиной мира, своими представлениями о добре и зле, уникальными достижениями, особенностями образа жизни и общения между людьми. Цивилизации могут сотрудничать и конкурировать, возникать и разрушаться, иметь различные названия, сохраняя сущность. В начале XXI века процессы столкновения цивилизаций вступили в фазу обострения, сокрушая на своем пути отдельные страны, вздыбливая регионы, противопоставляя народы друг другу... Что ожидает нашу страну? Существует ли опасность быть ввергнутой в межцивилизационные разломы? Какие берега могут стать оберегом для народа, культуры, сохранения идентичности в век стремительного ускорения социального времени?

«Как мир меняется! И как я сам меняюсь! Лишь именем одним я называюсь», – писал в XX веке, известный русский поэт Н. Заболоцкий. Но его поэтическая интуиция не вобрала в себя того, с чем стремительно меняющийся мир столкнулся буквально в последние десятилетия. И речь не только о том, что

непрестанно меняются имена: названия стран, регионов, улиц и даже отдельных людей, находящих для себя новую профессиональную, гражданскую, другую идентичность.

Сами имена, знаки стали стремительно менять свои значения, наполняться новым содержанием, иногда превращаясь в

ОБ АВТОРАХ

КИРВЕЛЬ Чеслав Станиславович.

Родился в 1945 году в д. Мякиши Щучинского района Гродненской области. В 1972 году окончил философский факультет Ленинградского государственного университета, в 1976 году – аспирантуру этого вуза.

В 1977–1980 годах работал старшим преподавателем кафедры философии в политехническом институте в Комсомольске-на-Амуре. С 1980 года – и.о. заведующего, с 1981 года – заведующий кафедрой философии Гродненского государственного университета имени Янки Купалы.

Доктор философских наук (1990), профессор (1992).

Автор более 300 научных работ, в том числе ряда монографий, учебников и учебных пособий.

Сфера научных интересов: исследование вопросов цивилизационной динамики, прежде всего в восточнославянских странах, проблем общественного сознания, а также предвидения и прогнозирования будущего человеческого общества.

БУСЬКО Инна Владимировна.

Родилась в пос. Хвоенск Житковичского района Гомельской области. В 1985 году окончила гуманитарный факультет Новосибирского государственного университета, в 2003 году – аспирантуру Гродненского государственного университета имени Я. Купалы.

В 1985–1989 годах преподавала в Новосибирском фармацевтическом училище. С 1993 по 1998 год работала старшим лаборантом кафедры иностранных языков Гродненского государственного аграрного университета (ГГАУ).

С 1998 года работает на кафедре общественных наук ГГАУ.

Кандидат философских наук (2003), доцент (2008).

Автор более 70 научных работ, в том числе монографии, учебного пособия и учебников.

Сфера научных интересов: исследование проблем социокультурной динамики, факторов развития социокультурной сферы, в том числе роли ментальности в динамике социокультурных процессов.

почти неузнаваемые. Такое размывание сущностей, множество интерпретаций одних и тех же имен становится чуть ли не главной приметой нашего сложного времени. Осталось ли еще что-нибудь определенное, незыблемое, устойчивое? На что может опереться человек в поисках идентичности – этнонациональной, социально-классовой, личностной, культурно-цивилизационной? Не только для человека, но и для общества безостановочные разнонаправленные поиски своего прошлого и будущего, своего лица и имени чреват утратой почвы под ногами и разрушительными изменениями.

Проблема идентичности: историческая вертикаль

Острые проблемы самоопределения уже более двадцати лет, со времени крушения СССР, стоят перед странами и народами постсоветского пространства. В бывших советских республиках есть еще множество сложностей, которые порождаются бесконечными спорами в поисках ответов на вопросы – «Кто мы?», «Откуда мы?», «Куда мы идем?».

У нас, в Беларуси, кто-то явно или неявно «носит майку» с надписью «Сделан в СССР», кто-то транзитом выскочил прямо из ВКЛ с его сильно урезанными в соответствии с идеями прозападного либерализма и поэтому в основном легендарно-романтическими особенностями, а кто-то видит сложную длительную историю страны и народа, уходящую корнями во времена Евфросинии Полоцкой и глубже.

В каждой постсоветской стране посвоему сложная ситуация. Одни сориентировались в той или иной мере на сближение с атлантической, западной цивилизацией, Европой как символами политической силы и высоких экономических стандартов, других притягивает мир ислама, хотя в то же время оформляется в экономическом и политическом ключе и вектор евразийской интеграции. В последние годы в информационной, политической и духовно-культурной сферах

все чаще стало использоваться понятие «русский мир», причем в весьма противоречивых трактовках.

Как сообщает Википедия, понятие «русский мир» применялось уже в глубокой древности. Так, «Слово на обновление Десятиной церкви» второй половины XI века, указывая на распространение христианства, прославляет святого Климента Римского, «который умножил сокровище своего господина не только в Риме, но и повсюду: и в Херсоне, еще и в русском мире» [1].

В публицистике XIX века понятие «русский мир» активно применяли писатели Ф. Достоевский и А. Островский, историк Н. Костомаров, политические деятели, артикулируя тот его смысл, который ныне используется для обозначения особой культурно-цивилизационной общности, сформировавшейся исторически на основе языковой и мировоззренческой близости восточнославянских народов. В середине XIX века украинский поэт и прозаик Пантелеймон Кулиш, рассуждая об отношении малороссийской словесности к общерусской, писал о существовании в древности единого языка «всего первобытного русского мира».

Нет сомнений в том, что принятие православия, распространение письменности, закладывание мировоззренческих и культурно-цивилизационных особенностей Полоцких, Турово-Пинских, Городенских земель на рубеже I–II тысячелетий происходило в тесной связи с понятиями Русь, русский язык, народ русский. В период существования на белорусских территориях Великого Княжества Литовского, Русского и Жемайтского слово «русский», хоть и в иной грамматической форме, было основным в культуре, именуя родной язык, веру и соотечественников в наследии Ф. Скорины, С. Будного и др. Так, Ф. Скорина, акцентируя внимание на значении культурной принадлежности человека, сам о себе говорил, что «рожден в руськой мове», про своих соотечественников писал «братъ моя русь» [2], а свои печатные книги предназначал «для людей посполитых веры руськай» [3].

Гуманист-просветитель В. Тяпинский в предисловии к своим изданиям, обозначая проблему роли элиты в сохранении культурного наследия, укоряет высшие слои общества, шляхту, в пренебрежении к родному языку, в том, что отправляют детей в польские школы, а свои закрывают. При этом прошлые достижения в культуре, когда «народ русский» был «довстипным и учоным» он связывает с уважением к своему языку и развитием образования. А полный заголовок знаменитого издания С. Будного такой: «Катехизис, то есть наука стародавняя христианская, от святого писма, для простых людей языка руского, в пытаниях и отказах събрана», то есть период ренессансного подъема духа в ВКЛ был связан с идентичностью, определяемой через понятие «русский».

И позднее представители православно-гуманистического направления в развитии общественной мысли, такие как Стефан и Лаврентий Зизани, Мелетий Смотрицкий, Афанасий Филиппович, Симеон Полоцкий, Георгий Конисский активно обращались к апологии понятий «русский язык», «русский народ», «вера предков», привлекая для целей защиты родной им культуры «руськую», как они называли ее, ориентацию.

Да, некоторые современные историки и филологи, интерпретируя научные и околонучные исследования, могут что угодно возразить, описывая отличия языка изданий Ф. Скорины и литературных памятников Московского княжества этого же периода, но будем честны – при большом старании можно найти множество отличий языка современных гродненцев от языка гомельчан, не важно – о русском или белорусском языках идет речь. Нет сомнений, что понятие «русский», начиная с древности, шло в неразрывной связи с религиозной идентичностью христианской ортодоксии – православной веры. Поэтому возникали и сохраняются определенные сложности соотношения веры и этничности в процессе формирования и развития на основе восточнославянских племен трех близкородственных по культуре и

менталитету народов, которые могли называться великороссами, малороссами и белорусами, а сейчас именуется русскими, украинцами и белорусами. Но не будем забегать вперед.

Политические события конца XVIII – начала XIX века, включение белорусских земель по итогам раздела Речи Посполитой в состав Российской империи привели к тому, что русский мир, с одной стороны, высвободил возможности формирования национального самознания белорусов, а с другой – обусловил в дальнейшем распространение и на белорусских территориях идей марксистского проекта переустройства общества. Сложная диалектика процессов белорусизации-русификации с ее объективными и субъективными сторонами после Октября 1917 года и до последних лет существования СССР была подчинена тенденции формирования «советского человека», потерявшего свою страну не по своей воле и столкнувшегося лицом к лицу с проблемой поиска себя и «своего» общества в пространстве рассыпавшихся смыслов.

В рамках формирования советской идентичности над национальным пытались поставить интернациональное, пронизанное социально-классовым подходом. Однако справедливости ради отметим, что расцвет национальных культур в СССР стал фактом реальности, а не галочкой в отчетах (что бы ни писали о якобы планомерных «угнетении», «подавлении» и «русификации» адепты современных трендовых идеологий). Только в рамках культуры большого русского мира, большой культурно-цивилизационной общности, возникшей на основе деятельности восточнославянских народов вкупе, мы обнаруживаем, что вертикали и горизонталь нашей культуры необъятны. И тогда большая русская культура – это и Евфросиния Полоцкая и митрополит Иларион, это Ф. Скорина, Г. Сковорода, Н. Бердяев, И. Ильин и В. Степин, это А. Пушкин, Ф. Достоевский, Т. Шевченко, Я. Колас и В. Быков, это К. Семенович, К. Циолковский и Ю. Гагарин, это М. Ломоносов, Д. Менделеев и Ж. Алферов.

▲ Фрагмент картины Б. Виллевальде «Открытие памятника „Тысячелетие России“ в Новгороде в 1862 году»

▼ Скульптурное изображение великого князя Витовта на памятнике «Тысячелетие России»

Это – общие усилия, благодаря которым славяно-русская цивилизация распростерлась на огромных пространствах от Буга до Камчатки. И разве не вошла в бессознательные структуры ментальности белорусов общерусская идентичность? Вот пример повседневного уровня: в некоторых бытовых ситуациях непонимания у белоруса вырывается просторечный вопрос – «Ты что, нерусский?».

Давно, но особенно активно в последние десятилетия, огромные усилия прилагают сторонники доминирования западной цивилизации, чтобы трансформировать исторически сложившуюся установку считать белорусов, украинцев и собственно русских одной большой общностью, обозначаемой словами «русь» или «русские» в самом широком смысле, восходящем к древним истокам, внушить, что белорусы, украинцы и русские – не один и тот же народ. Всевозможные средства используются для этого. В том числе и демонизация понятия «русский мир».

Спектр смыслов и реальность

С 2007 года понятие «русский мир» стало возвращаться, прежде всего в область политического дискурса. В современном обществе, где тотально политизируется все – от проблемы сексуальных меньшинств и присуждения нобелевских премий до спорта и Евровидения – ангажированные установками западного мира средства массовой информации и их интернет-ресурсы (особенно после известных событий в Украине 2014 года), стали подменять смысл этого понятия, используя его как оружие в информационной войне с Россией, лишая его реальной истории и содержания.

Цель массового внушения – представить «русский мир» как концепт «имперских амбиций» России, претендующей якобы на агрессивное подчинение территорий своего прежнего влияния. Вот, к примеру, что пишет известный американский политолог Дж. Фридман, объясняя первопричины экономических и информационных схваток России и Запада: «Соединенные Штаты заинтересованы

в том, чтобы предотвратить появление нового европейского гегемона. Русские должны сохранять буферные зоны, лишившие сил Наполеона и Гитлера. Это не пустяковые интересы, и очень трудно себе представить, как их можно соблюсти для обеих стран. Таким образом, налицо расхождение интересов между США и Россией, усугубляемое многочисленными странами... Такое расхождение было неизбежно. Когда ослабевали европейцы, по сравнению с ними усиливалась Россия. Когда Украина сменила ориентацию с России на Запад, России пришлось на это отреагировать» [4].

А вот мнение автора Карлуша де Ассиша из Бразилии: «Главная стратегия США заключается в том, чтобы силой утвердить свое мировое господство. Им нестерпимо существование... такого ядерного конкурента, как Россия, и новой экономической державы в лице Китая... Неоконсерваторам необходимо действовать сейчас, прежде чем конкурирующие силы пустят более глубокие корни. Украина послужила для этого отличным поводом» [5]. Снова мнение американского эксперта – Фила Батлера: «Меня поражает, что людей сегодня мало возмущает тот фашизм, который бесчинствует в нашем мире, и что фашисты сегодня играют в хороших парней. Германия в полной мере использует все страны ЕС в своекорыстных интересах. То же самое делают Соединенные Штаты и Британия. И как только Россия останавливает экспансию НАТО, появляются ни в чем не повинные жертвы» [6]. Таким образом, попытки демонизации России и русского мира в политизированном (про)западном контенте получают очевидное объяснение: сдерживание усиления роли России в Европе в интересах США.

Но объективности ради обратимся к основным значениям понятия «русский мир». Специалисты говорят о нескольких современных подходах к его определению. В рамках гуманитарных технологий понятие «русский мир» предполагалось использовать как бренд для усиления общественных связей и для имиджа России

за рубежом (П. Щедровицкий, Г. Павловский). С позиций геополитического подхода русский мир порой рассматривают как основу Евразийского союза, способного быть самодостаточным центром развития и силы в современном мире (А. Дугин и др.). С этнокультурных позиций русский мир предстает как особая общность людей, объединенных русским языком, историей, своими нормами и ценностями, проживающих не только в России, но и далеко за ее пределами (Н. Нарочницкая, В. Никонов). Патриарх Московский и всея Руси Кирилл ядром русского мира полагает Россию, Украину и Беларусь, которые, по словам преподобного Лаврентия Черниговского, и являются Святой Русью.

Иные государственно-территориальные образования, равно как и русские диаспоры по всему миру, включаются в состав «русского мира» по критерию принятия русской духовной и культурной традиций. В наиболее обобщенном ключе русский мир может быть представлен как особый культурно-цивилизационный феномен, включающий поколения людей, которые, независимо от национальности, выразили духовную связь с русской культурой и ее ценностными основаниями, закрепленными в православии. Это прежде всего ценности правды, справедливости, совести, свободы, красоты в их неразрывной связи с нравственными началами в человеке. Выдающийся английский мыслитель А. Тойнби, как известно, основным фактором цивилизационной специфики считал религию и на этом основании выделял православную цивилизацию в качестве особой, отмечая, что для ее существования главным вызовом стало внешнее давление, в том числе со второй половины II тысячелетия исходившее в основном от западной цивилизации: «Хроники вековой борьбы между двумя ветвями христианства, пожалуй, действительно отражают, что русские оказывались жертвами агрессии, а люди Запада – агрессорами значительно чаще, чем наоборот.

Русские навлекли на себя враждебное отношение Запада из-за своей упрямой

приверженности чуждой цивилизации, и вплоть до самой большевистской революции 1917 года этой русской «варварской отметиной» была Византийская цивилизация восточноправославного христианства. Русские приняли православие в конце X века и, нужно подчеркнуть, что это был осознанный выбор с их стороны» [7, с. 372]. Причем А. Тойнби явно отождествлял с православной цивилизацией Россию в историческом развитии, рассматривая ее как особый мир в различных форматах, в том числе и в социалистическом: «...Совершенно очевидно, что эти ортодоксальность и вера в предопределение, воспринятые русскими от византийских греков, столь же характерны для современного коммунистического режима, как и для прежнего, православно-христианского правления в России» [7, с. 374]. И далее: «России... предстоит наконец решить – занять ли подобающее место в западном мире или остаться в стороне и построить свой собственный антизападный контрмир... Можно предположить, что на окончательное решение России окажет склонность к ортодоксальности и вера в предопределение, которые она тоже унаследовала от своего византийского прошлого. Как под распятием, так и под серпом и молотом Россия – все еще „Святая Русь“, а Москва – все еще „Третий Рим“» [7, с. 381].

О том, что русский мир существует как особая культурно-цивилизационная общность говорит и то, что его невозможно свести к чему-то одному – к территории, к географии (он то сжимается, то расширяется), к генам, к языку, к государству, даже собственно к русской культуре в широком смысле и религиозной вере, хотя и без всего этого он немислим. Русский мир многомерен и наиболее специфичен своей открытостью иному, наличием стыковочных возможностей, позволяющих другим народам и религиям участвовать в общем деле строительства цивилизации. Русский мир не претендует на исключительность, он не раз в истории предлагал и отстаивал универсальные ценности. Как пишет А. Вайц, этниче-

ский немец, член Комиссии Президентского совета по межнациональным отношениям Российской Федерации, «...материнский раствор веротерпимой русской культуры – это как раз и есть та среда, в которой вывели многие национальные, культурные, религиозные идентичности народов, исторически связавших свою судьбу с Россией» [8].

Конечно, в современном остроконкурентном мире, где катастрофически не хватает ресурсов и рынков сбыта, любой отдельный «мир», претендующий на равнозначное место под солнцем наряду с другими, рассматривается как соперник. Нынешняя демонизация западной цивилизацией русского мира и отождествляемой с ним России имеет глубокие исторические корни и сложный комплекс причин, что может быть особой темой для анализа. В последние же годы синдром русофобии выявился в особенно острой форме из-за недолговременной тенденции мощной гегемонии западного мира и прежде всего США после крушения Советского Союза, когда западные теоретики уверились в несостоятельности России как сверхдержавы и самостоятельного центра силы. Многие из них полагали, что будет происходить неизбежное дальнейшее ослабление и даже распад русского мира. А процессы эти станут подкрепляться конструированием большого ряда новых политических идентичностей народов, вовлеченных в течение веков в развитие цивилизации русского мира и сохранившихся не вопреки, а как раз благодаря тому самому «материнскому раствору русской культуры», который не разъедает и не поглощает идентичности, а дает им живительные соки самоосуществления.

Конкуренция «больших пространств»

Самое важное в проблеме интерпретации понятия «русский мир» – это различать его смыслы, ни в коем случае не допуская сведения их к политизированному клише, затмевающим массовое сознание и конструирующим

конфликтно-агрессивные тенденции в социокультурном пространстве бытия восточнославянских народов. Ведь обострение противоречий между ними, разжигание вражды приведут только к одному – ослаблению каждого в отдельности, потерям в культурно-духовной специфике, нарастанию внутривнутриполитических конфликтов и экономической нестабильности. То, что в современном мире идет формирование и борьба за самостоятельность «больших пространств», которая выражается в интеграции по культурно-цивилизационным основаниям, дает составляющим русского мира два шанса – утвердиться в качестве ядра одного из таких пространств или быть изодранными в клочья и поглощенными другими «большими пространствами».

Российские авторы А. Ковалев и В. Мрочко выделяют следующие, сложившиеся под воздействием современных трансформационных процессов, основные «большие пространства» или типы цивилизации (за исключением тех государств, которые трудно отнести к какой-либо определенной цивилизационной общности): «1) западная сверхцивилизация под эгидой США, которая включает в орбиту своего влияния не только государства Западной Европы и Северной Америки, но и многие страны географического Востока; 2) азиатская неокommунитаристическая цивилизация в лице Китайской Народной Республики;... 3) евразийское цивилизационное пространство под влиянием России, или русский мир, идеологи которого стремятся к восстановлению исторической России, хотя бы в пределах Советского Союза» [9, с. 43].

В последнее время одним из активных субъектов цивилизационного противостояния с Западом и другими цивилизациями исследователи часто считают русский мир, подразумевая именно цивилизационное пространство, основными составляющими которого выступают православие, русский язык и русская (в широком смысле) культура, общность исторической памяти. Реальным физическим центром для такой цивилизации

онной и духовной общности, выходящей за пределы одной страны, является современная Россия.

Действительно, впервые за долгие постсоветские годы именно с опорой на концепцию русского мира Россия сделала ряд шагов, направленных на восстановление имиджа супердержавы, значимого игрока на мировой «шахматной доске», страны-цивилизации, претендующей на статус самостоятельного субъекта исторического процесса. И произошло неожиданное и непостижимое для западных аналитиков: начало стремительно меняться состояние общественного сознания в России, причем в сторону патриотического подъема и надежд на духовное сплочение нации, резко вырос рейтинг президента В. Путина, вновь вспомнили о феномене «загадочной русской души» и спорах славянофилов и западников. В то время как информационная и экономическая война Запада против России приобретала все более острый, порой доходящий до абсурда характер, внутри самой страны обозначились процессы сосредоточения на «русской идее» – с одной стороны, и попыток этому воспрепятствовать – с другой.

Сегодня нередко инспирируется дискуссия о том, относится ли современная Украина и Беларусь к русскому миру или это уже не русский мир? Интересные рассуждения на эту тему содержатся в статье В. Шимова «Факторы конфликтности на Украине» [10]. Ученый отмечает, что интеграционная тенденция между Беларусью, Россией и Украиной олицетворяется идеей большой русской нации, включающей в себя все этнические группы восточных славян, и «большого» русского языка как совокупности всех восточнославянских наречий, объединенных общей литературной формой. При этом определение «русский» выступает как собирательное для всех восточных славян. Согласно ему «общерусская идея опиралась на давнюю историческую и культурную традицию, обеспечивающую ту связность восточнославянских земель, которая и является важной предпосылкой для формирования интеграционного

национального проекта. Она отсылает к исторической памяти восточных славян, связанной древнерусским наследием. Общерусская идея основана на утверждении, что восточнославянская этнополитическая общность, сложившаяся в древнерусский период, не распалась после гибели Древней Руси и продолжила существование поверх новых политических границ, разделивших восточных славян политически, но не духовно и культурно. Соответственно, все восточные славяне являются единым русским народом, который должен проживать в едином государстве» [10, с. 29]. Причем, как подчеркивает В. Шимов, после присоединения белорусских и украинских земель после раздела Речи Посполитой к России запрос на общерусскую идеологию формировался в первую очередь внутренним развитием Беларуси и Украины. По его мнению, «политика России могла способствовать развитию этого движения, но не была его первоисточником и «творцом». Это позволяет говорить о том, что историко-культурная связность восточнославянских земель, сложившаяся в древнерусский период, сохранялась и после упадка Киевской Руси, и вхождения ее отдельных частей в разные государственные образования. Культурный и информационный обмен между частями Руси продолжался, несмотря на многовековое политическое разделение. Давние традиции историко-культурной связности, выдержавшие испытание временем и политикой, закономерно сформировали запрос на объединительную национальную идею в Новое время».

Иначе говоря, идея общерусского единства не была порождением российского официоза. Она находила поддержку на землях Беларуси и Украины. «В Беларуси это проявилось в движении западнорусизма, развившегося в среде местной православной интеллигенции и духовенства. Воссоединение белорусских униатов с православной церковью 1839 г. также было осуществлено в первую очередь по инициативе русофильски настроенного крыла униатского клира. Более того, главный инициатор этого

масштабного события митрополит Иосиф Семашко в своих воспоминаниях указывал, что в деле ликвидации унии приходилось преодолевать противодействие полонофильски настроенного чиновничества Петербурга. Аналогичное интеллектуальное течение, которое можно определить как «малороссийство», развивалось на Украине», – утверждает исследователь [10, с. 30].

Риски и перспективы

Конечно, по мере развития общества возросла и продолжает расти роль субъективного фактора. И в настоящее время возможности экономических, политических и духовных элит различного масштаба по конструированию и реконструированию коллективной и личностной идентичности стали беспрецедентными, что активно используется как в целях интеграции больших социальных групп, так и в целях их дезинтеграции. Понимая это, мы можем более четко видеть, какие конструкции перспективны для развития восточнославянских народов, а какие и в чьих интересах разрушают их настоящее и будущее.

Когда мы говорим об отношениях Беларуси, России и Украины применительно к современным условиям, то нельзя не учитывать тот важнейший объективный фактор, о котором говорилось выше: вектор развития экономической, политической, да и в целом социокультурной жизни на планете направлен в сторону создания «больших пространств». Разделительные тенденции в отношениях восточнославянских народов, инспирируемые определенными политическими силами, контрпродуктивны и разрушительны.

Серьезные западные аналитики, представители академической науки с пониманием относятся к построению современной концепции «русского мира», рассматривая ее по аналогии с французской, британской и американской публичной дипломатией. Например, Марлен Ларюэль, французский историк, социолог и политолог в специальном исследовании

анализирует многогранность и перспективы данной концепции. По ее мнению, это и «бренд, задающий голос России в хоре наций», и «сосуд для философского и религиозного мессианства, с идеей о том, что Россия несет в мир универсальную ценность спасения», это и «политика России в ближнем зарубежье», и «взаимодействие России с русской диаспорой в мире».

Автор отмечает функцию концепции «русского мира» как «мягкой силы», которая может сопровождать и применение «жесткой силы», и продолжает: «Если она придаст русскому миру способность развивать альтернативные экономические и финансовые модели в ответ на мировой порядок Запада, на основе проекта Евразийского союза и партнерства с БРИКС и Китаем, значит, эта концепция была не просто пафосной... Однако, независимо от его интерпретации, русский мир не представляет собой жесткой доктрины. Его нечеткость и эластичность являются основными элементами его функциональности: это геополитический троп, открытый для всех видов ребрендинга и реартикуляции. Это не инструмент отступления России в себя, но путь диалога с миром», – подчеркивает М. Ларюэль [11].

Элементы консервативной идеологии в содержании концепции русского мира, как считает М. Ларюэль, могут быть притягательными и для Европы. Действительно, в Западной Европе, и это очевидно, усиливается социальный запрос на консервативные, традиционные христианские ценности, что вопреки текущей политической повестке и тоталитарному неолиберализму расширяет интерес очень разных людей к духовным горизонтам русского мира.

Тем более актуальной выступает эта концепция для народов, веками поддерживавших уникальность русского мира и вовлеченных в орбиту его культурных и цивилизационных достижений. Речь идет не о сиюминутных государственно-политических интересах или краткосрочной экономической тактике. А о поддержке и развитии обновлен-

ной масштабной концепции русского мира, альтернативной неолиберализму и все более дискредитирующей себя, на наш взгляд, тоталитарной политкорректности.

Главными инструментами такой концепции осуществления являются взвешенные решения в языковой политике, воспроизведение интегрирующей, а не разъединяющей общей исторической памяти и важнейших ценностей большой общерусской культуры, поиск новых идей общего дела и общего будущего. ─

ЛИТЕРАТУРА

1. Слово на обновление Десятиной церкви / Предисловие и подготовка текста – С.В. Перевезенцев. Перевод с древнерусского языка Ю.А. Бегунова [Электронный ресурс] / Википедия. – Режим доступа: https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%A0%D1%83%D1%81%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B9_%D0%BC%D0%B8%D1%80. – Дата доступа: 25.07.2017.
2. Чамярыцкі, В. Аб нацыянальным вызначэнні Францішка Скарыны / Вячаслаў Чамярыцкі // Полацк: карані нашага радавода. Полацкая зямля як сацыякультурная прастора ўзнікнення і развіцця беларускага этнасу і нацыянальнай дзяржаўнасці. Матэрыялы міжнарод. навук. канф., 5–6 верасня 1995 г. / Рэд.: А. Мальдзіс, Р. Грудніцкі, В. Шайкоў. – Полацк. 1996. – С. 79.
3. Скарына, Ф. Творы: прадмовы, сказанні, пасляслоўі, акафісты, пасхалія / Ф. Скарына, АН БССР. – Мінск: Навука і тэхніка, 1990. – С. 18, 78.
4. Фридман, М. Переноса модель стратегического планирования в Москву [Электронный ресурс] / Сетевой архив библиотека LADNO.ru. – Режим доступа: <http://ladno.ru/opinion/26513.html>. – Дата доступа: 20.12.2016.
5. Ассиш, К. Стратегия США в войне против России на украинской территории [Электронный ресурс] / ИноСМИ.РУ. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150112/225487819.html#ixzz30e8BX70S>. – Дата доступа: 14.01.2015.
6. Батлер, Ф. Когда «мы, народ» прекратим убийства на Донбассе? [Электронный ресурс] / ИноСМИ.РУ. – Режим доступа: <http://inosmi.ru/world/20150112/225490321.html>. – Дата доступа: 14.01.2015.
7. Тойнби, А. Дж. Цивилизация перед судом истории / А. Дж. Тойнби. – М.: Айрис-Пресс. 2003. – 592 с.
8. Вайц, А. У русского мира нет границ, но есть горизонты... [Электронный ресурс] / Электр. версия газеты «Завтра». – Режим доступа: <http://old.zavtra.ru/content/view/u-russkogo-mira-net-granits-no-est-gorizontyi/>. – Дата доступа: 30.09.2016.
9. Ковалев, А.А., Мрочко, В.Л. Противостояние цивилизаций и политическая реальность современности / А.А. Ковалев, В.Л. Мрочко // Власть. – 2016. – № 12. – С. 40–44.
10. Шимов, В.В. Факторы конфликтности на Украине / В.В. Шимов // Социология. – 2014. – № 2. – С. 26–36.
11. Laruelle, M. "The Russian World": Russia's Soft Power and Geopolitical Imagination [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://globalinterests.org/wp-content/uploads/2015/05/FINAL-CGI-Russian-World_Marlene-Laruelle.pdf. – Дата доступа: 30.09.2016.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

Требования к оформлению научных публикаций составлены в соответствии с главой 5 Инструкции по оформлению диссертации, автореферата и публикаций по теме диссертации, утвержденной постановлением президиума Высшего аттестационного комитета Республики Беларусь от 24.12.1997 года № 178 (в редакции постановления Высшей аттестационной комиссии Республики Беларусь от 22.02.2006 года № 2).

Условия приема авторских материалов в журнал «Беларуская думка»:

1. Принимаются рукописи, ранее не публиковавшиеся.
2. Рукопись предоставляется в двух экземплярах (не ксерокопированных), шрифт Times New Roman, 14-й, межстрочный интервал – 1,5, объем статьи – до 30 тыс. знаков (с пробелами).
3. Статья должна содержать:
 - индекс УДК;
 - фамилию, имя, отчество автора (авторов);
 - название статьи на русском и английском языках;
 - резюме объемом 400–500 знаков на русском языке;
 - введение (с поставленными задачами);
 - основную часть, заключение (с четко сформулированными выводами);
 - список цитированных источников, оформленный в соответствии с требованиями ВАК Республики Беларусь.
4. Материал визируется автором.
5. Биографические данные об авторе: год и место рождения, образование (вуз, специальность, год окончания), ученая степень и звание (год их присуждения или присвоения – в скобках), место (места) работы, должность, сфера научных интересов
6. Наличие электронного варианта статьи.
7. Иллюстративный материал предоставляется отдельными графическими файлами.
8. Личные данные об авторе (указываются в конце рукописи): телефон, адрес электронной почты, паспортные данные.
9. Рецензия (внешняя или внутренняя).

Материалы, в которых не соблюдены перечисленные условия, не принимаются к рассмотрению редакцией. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Редакция оставляет за собой право осуществлять отбор, дополнительное рецензирование и редактирование статей.